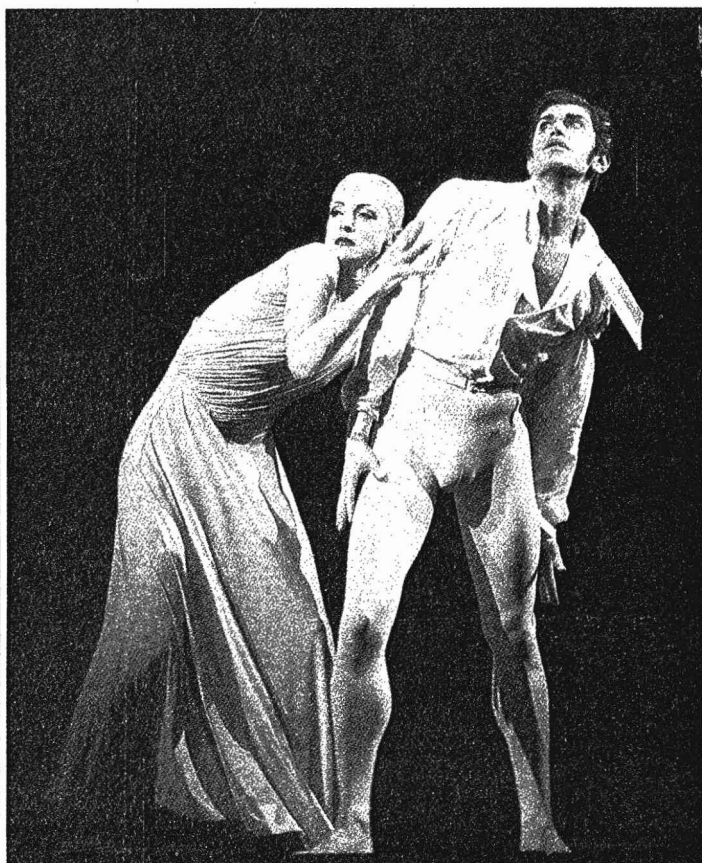

Лауреатская хореография

Московский Ролан Пети на сцене Мариинки

Московский Ролан Пети («Пиковая дама») пропал бы без Николая Цискаридзе и Илзе Лиепы ФОТО АЛЕКСАНДРА МАРГОЛИНА

В Мариинском театре прошли гастролы балета Большого театра. Они ознаменовали начало фестиваля «Золотая маска» — Большой представлял номинантов на премию: спектакли хореографа Ролана Пети «Пассажир» и «Пиковая дама». Их шансы на победу оценивала ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВА.

Ролан Пети дважды номинант, потому что параллельно рассматривается вопрос еще и о Госпремии. Этому обстоятельству изумляешься — настолько очевидно, что качество спектаклей тут совершенно ни при чем. Скука стояла страшная, доломаты в висках и мулеч перед глазами. Было ясно, что «хороший хореограф» («хороший спектакль») — это совсем не то, что «хореограф-лауреат». И успешным лауреатом, как и талантливым хореографом, надо родиться, это, безусловно, дар небес.

Вначале я принялась думать, что все дело в контексте. Вот когда в Мариинке идет сначала Баланчин, потом Ноймайер, потом Ратманский, а потом «Принцесса Пирлипат» Шемкина, в спину которой дышат «Весна священная» Нижинского, «Этюды» Ландера и программа Форсайта, то сразу ясно, что «Принцесса Пирлипат» — плохой спектакль и ничто его не спасет. Но ведь и в Большом были Баланчин, Антон, был и теперь опять в подходе Ратманский! Были, правда, и отечественные балеты типа «Балды» и «Русского Гамлета» — то уже теплее, ближе к «Пиковой даме». Еще теплее — Пьер Лакотт. Его «Дочь фараона» вкупе с нынешними балетами Пети и его недавним «Собором Парижской Богоматери» твердо указывают на устойчивую группу: группу пожилых хореографов, которые едут в Россию, так же как пожилые рок-звезды и оперные дивы в отставку. Так что первое условие — возраст. Потому что у нас советских времен отказываются верить, что в искусстве, как в спорте, результат надо доказывать. И для нас Ролан Пети до сих пор легендарный и мятежный персонаж буйных парижских 1950-х.

Он и ставит так, будто 50 лет назад. Кавалеры, лунатически вальсирующие со стульями, выходят в «Пиковую даму» прямою ком из полувековой давности «Кармен». А старуха графиня терзает бедного Германа чисто молодой стервой поэта-любовника в «Юноше и смерти». Да и от всей этой русской истории со старухой, картами, приживалками, бедной воспитанницей и честолюбивым немцем, которого попутал бес, Пети оставил только излюбленный им дуэт патологичной красотицы (седой парик лишь подчеркивает худощавую породистость лица балерины Илзе Лие-

пы), которой не пойми чего надо, и нервного юноши. Прочие персонажи — игроки, петербургские аристократы, гусары — маячат и скользят сквозь действие невиданными тенями.

Ну это, значит, и хорошо, значит, солидный основательный человек, не вертопрах какой-нибудь, у которого сегодня так, а завтра сляк. Так что второе условие для потенциального лауреата — предсказуемость. Потом я стала думать, что дело в артистах. Москвичи вообще славятся тем, что любую ерунду танцуют с темным пламенем в глазах, последним напряжением мышц и сектантской верой в высшую артистическую миссию. Николай Цискаридзе и Илзе Лиепа, номинированные на «Маску» как лучшие танцовщики, — стопроцентное попадание. Ужасно люди себя тратят, выкладываются. Каждый жест и вздох отточен в репезале. Свои роли они прочерчивают так, будто сами и сочинили. Ясно, что без них проект сдулся бы.

И последнее условие, конечно, пакет необходимых жанровых черт. Условных раздражителей, по которым публика понимает, что перед ней — серьезное высказывание художника о судьбах и прочем. Когда драматическое настроение — надо, чтобы танцовщики прыгали повыше, раздирая ноги в соответствии с аккордами оркестра. Когда лирическое — медленно разгуливали по сцене, потягиваясь в разных позах. Когда просто танцы (бал там или другой какой праздник), то тогда и просто арабески в разных ракурсах и подержках. И в этом плане «Пиковая дама», как любят писать в отзывах на сонские научные степени, не свободна от недостатков. Их два. Во-первых, когда бедная воспитанница высоко поднимает в руке ключ от дома, чтобы отдать Германину, надо, чтобы ключ был побольше, а то не всем хорошо видно. Карты ведь в спектакле сделаны большие! Во вторых, нехорошо, когда в сцене финальной карточной игры на задник выплывает большой пиковый туз, при виде которого Германин валится на пол. Публика в этот момент начинает алкать истины, вдавливаться в воспоминания и громким шепотом выяснять, что туз вроде как, наоборот, в кассу был, а герой вроде как погорел на даме. Но тут пускают Илзе Лиепу в капюшоне, и финальная сцена без особых пластических затруднений перетекает в финальные поклоны. Так что последнее условие Роланом Петим тоже соблюдено: публика жутко любит понимать, когда ей надо заплодировать.